

MAIN STREET

Коллекция «Аметист»

Ранее в серии MAIN STREET
ВЫШЛИ

Коллекция «АМЕТИСТ»

Дженнифер Арментроут. ОБСИДИАН
Дженнифер Арментроут. ОНИКС
Дженнифер Арментроут. ЖАРКИЙ ПОЦЕЛУЙ
Дженнифер Арментроут. ОПАЛ
Дженнифер Арментроут. ОТСЧЕТ

Коллекция «ДЕНИМ»

Катя Миллэй. ОКЕАН БЕЗМОЛВИЯ
Ава Деллайра. ПИСЬМО В НЕБЕСА
Жасмин Варга. МОЕ СЕРДЦЕ
И ДРУГИЕ ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

Коллекция «СКАРЛЕТ»

Дженнифер Арментроут. ЖДУ ТЕБЯ
Моника Мерфи. ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ
Саманта Тоул. БЕГСТВО К ЛЮБВИ

Коллекция «УЛЬТРАФИОЛЕТ»

Мэтт Хейг. ЭХОБОЙ

Коллекция «ДАРК»

Дженнифер Арментроут. НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

ЭМИ ЭВИНГ

ДРАГОЦЕННОСТЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э15

Amy Ewing
JEWEL

Печатается с разрешения литературных агентств
InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency

Оформление серии *Екатерины Климовой*

Эвинг, Эми.
Э15 Драгоценность : [роман] / Эми Эвинг ; [пер. с англ.
И. Литвиновой]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 384 с. — (Серия MAIN STREET: Коллекция
«Аметист»).

ISBN 978-5-17-091951-2

Семнадцатилетней Вайолет Ластинг больше не существует. Теперь она Лот 197, предназначенный для продажи, суррогатная мать с магическими способностями, которая должна выносить ребенка для великосветской дамы и потом умереть.

В ожидании своей участи она встречает юношу — его также купили за красоту. Запретная любовь может закончиться только смертью. Но они и так обречены.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-091951-2

Copyright © 2014 by Amy Ewing
© Литвинова И., перевод на русский
язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

(Сегодня последний день, когда меня еще можно называть Вайолет Ластинг¹.

На улицах Болота в это раннее утро тихо, слышно только, как монотонно цокает копытами трудяга-осел да позвякивают стеклянные бутылки с молоком в тележке разносчика. Я вылезаю из-под одеяла и накидываю поверх ночной рубашки халат. Халат перешел ко мне от матери — темно-синий, вытертый на локтях. Когда-то он висел на мне мешком, длинные рукава закрывали даже кончики пальцев, а подол волочился по полу. За последние несколько лет я доросла до него, и теперь он сидит на мне так же, как когда-то на ней. Я его обожаю. Это одна из немногих вещей, которые мне разрешили привезти с собой в Южные Ворота. Мне повезло — я смогла захватить все, чем особенно дорожила. В трех других инкубаторах порядки куда строже; в Северных Воротах личные вещи и вовсе под запретом.

Я прижимаюсь лицом к чугунным решеткам на окне — витые, они сплетены в форму роз, как будто этот милый узор может скрыть их истинное предназначение.

¹ Многие имена в романе — «говорящие». См. список основных имен в конце книги.

Грязные улицы Болота отсвечивают тусклым золотом в лучах утреннего солнца, и кажется, что они и впрямь вымощены благородным металлом. Улицы и дали название этой местности — Болото. Весь камень, бетон и асфальт свезли в богатые округа города, Болоту осталась вязкая бурая грязь, пахнувшая солончаками и серой.

Волнение трепещет в моей груди. Сегодня, впервые за четыре года, я увижусь со своей семьей. Мамой, Охром и маленькой Хэзел. Хотя она уже, наверное, и не такая маленькая. Ждут ли они этой встречи? А вдруг я стала для них чужой? Изменилась ли я? Не уверена, что помню, какой была прежде. Что, если они даже не узнают меня?

Беспокойство нарастает во мне, пока солнце медленно встает над Великой стеной, что маячит вдали. Стена опоясывает Одиноким город, защищая нас от натиска свирепого океана. Так мы чувствуем себя в безопасности. Я люблю наблюдать восход солнца, гораздо больше, чем закат. Есть что-то волнующее в том, как мир пробуждается к жизни во всем своем многоцветье. Это обнадеживает. Я рада, что вижу этот рассвет, вижу, как сквозь полотно розовых и лавандовых небес пробиваются красно-золотистые лучи. Я спрашиваю себя, смогу ли наблюдать за рассветами, когда начнется моя новая жизнь в Жемчужине.

Иногда я жалею, что родилась суррогатом.

Когда за мной приходит Пейшенс, я, все еще в халате, лежу на кровати, свернувшись калачиком, стараясь запомнить свою комнату. Запоминать особо нечего: лишь маленькую кровать, шкаф и потускневший от времени деревянный комод.

В углу стоит моя виолончель. На комодѣ ваза с цветами — их меняют через день, — расческа, ленты для волос и старая цепочка с обручальным кольцом моего отца. Мама заставила меня взять ее после того, как врачи поставили мне диагноз. А потом за мной пришли ратники.

Интересно, скучает ли она по кольцу до сих пор? Скучает ли по мне так же, как я скучаю по ней? Тугой узел затягивается у меня в животе.

Моя комната почти не изменилась за эти четыре года. Никаких картин. Ни одного зеркала. В инкубаторах зеркала запрещены. Единственное, что появилось в комнате — это моя виолончель. Вернее, она не моя, а принадлежит инкубатору Южных Ворот. Кому она достанется после меня? Странно, но, какой бы унылой и безликой ни была моя комнатка, я, наверное, буду скучать по ней.

— Как ты, дорогуша? — спрашивает Пейшенс. Для нее мы все «дорогуши», «милые», «ангелы». Она как будто боится называть нас по имени. Может быть, просто не хочет привязываться к своим подопечным. Пейшенс уже давно служит старшей смотрительницей Южных Ворот. Сотни девушек прошли через эту комнату на ее веку.

— Все хорошо. — Приходится лгать. Не стану же я рассказывать, что чувствую на самом деле. Как будто кожа зудит изнутри, и самые темные, глубокие части меня наливаются тяжестью.

Она оглядывает меня с головы до ног и поджигает губы. По лицу этой пухленькой женщины с сединой в жидких волосах так легко все прочитать, и я уже знаю, что она сейчас скажет.

— Ты уверена, что хочешь надеть именно это?

Я киваю, поглаживая пальцами мягкую ткань халата, и спрыгиваю с кровати. У суррогатов свои привилегии. Мы можем сами выбирать одежду, питаться чем угодно, спать вволю по выходным. Мы получаем образование. Хорошее образование. У нас всегда свежая еда и вода, всегда есть электричество, и мы не должны работать. Мы не знаем, что такое бедность, и нам обещают еще больше всего, когда мы начнем жить в Жемчужине.

Кроме свободы. Об этом никто даже не заикается.

Качая головой, Пейшенс торопливо выходит из комнаты, и я следую за ней. Залы инкубатора Южных Ворот отделаны тиком и розовым деревом; на стенах развешаны картины — не изображая ничего реального, они служат лишь цветовыми пятнами. Все двери похожи одна на другую, но я точно знаю, в какую мы сейчас зайдем. Пейшенс будит по утрам в исключительных случаях: если предстоит осмотр у врача, или что-то случилось, или наступает День Расплаты. Кроме меня только одна девушка с нашего этажа завтра идет на Аукцион. Моя лучшая подруга. Рейвен.

Дверь ее комнаты открыта, а Рейвен уже одета — на ней светло-коричневые брюки с высокой талией и белый пуловер с V-образным вырезом. Не знаю, насколько она краше меня, потому что за четыре года я ни разу не видела своего отражения в зеркале. Но одно могу сказать наверняка: она одна из самых красивых суррогатов в нашем инкубаторе. У нас обеих черные волосы, но у Рейвен они коротко подстриженные, прямые и сияющие, а мои ниспадают волнами по спине. Ее кожа цвета карамели, и миндалевидные глаза, такие же тем-

ные, как волосы, выделяются на идеальном овале лица. Она выше меня ростом, а это о многом говорит. У меня кожа цвета слоновой кости и резко контрастирует с волосами, а глаза у меня цвета фиалки. Это я могу сказать и без зеркала. Из-за цвета глаз меня и назвали Вайолет.

— Ну что, день истины? — Рейвен выходит нам навстречу. — Ты по этому случаю так нарядилась?

Я оставляю ее колкость без ответа.

— День истины будет завтра.

— Да, но завтра мы уже не сможем выбирать себе наряды. Как и послезавтра. И... вообще никогда. — Она заправляет волосы за уши. — Надеюсь, тот, кто меня купит, разрешит мне носить брюки.

— Боюсь, твои надежды напрасны, дорогуша, — говорит Пейшенс.

Я вынуждена с ней согласиться. Насколько мне известно, Жемчужина — это не то место, где женщины носят брюки, если только ты не служанка, которую держат на самой черной работе. Но даже если нас продадут в семьи торговцев из Банка, скорее всего, мы будем вынуждены носить только платья.

Одиноким Город поделен на пять округов, и каждый огорожен своей стеной. Все округа, за исключением Болота, носят названия, связанные с каким-то ремеслом. Болото — беднейший округ, окраина. Промышленности у нас нет, здесь живут рабочие, которые трудятся в других округах. Четвертый округ — Ферма, где выращивают и производят еду. В округе Смог расположены все заводы и фабрики. Во втором округе — Банке — торговцы держат свои магазины. И, наконец, сердце горо-

да — Жемчужина, где живут королевские особы. И куда послезавтра переселяемся мы с Рейвен.

Следом за Пейшенс мы спускаемся по широкой деревянной лестнице. Снизу поднимаются запахи кухни, и я улавливаю ароматы свежего хлеба и корицы. Они напоминают мне о сладких булочках, которые мама пекла на мой день рождения — такую роскошь мы могли себе позволить очень редко. Сейчас я ем их, когда захочу, только вот вкус у них совсем не тот.

Мы проходим мимо классной комнаты — дверь открыта, и я замираю на мгновение и наблюдаю. Девочки в классе совсем юные, лет по одиннадцать-двенадцать. Новенькие. Как я была когда-то. Давным-давно, когда заклинание было всего лишь словом, и еще никто не объяснил мне, что я особенная, как и все суррогаты. Что благодаря какой-то генетической причуде мы призваны служить королям.

Девочки сидят за партами, рядом с каждой маленькое ведерко и аккуратно сложенный носовой платок, а перед глазами — выложенные в ряд пять красных кубиков. Смотрительница сидит за большим столом, что-то записывает; у нее за спиной, на доске, мелом выведено: *ЗЕЛЕНый*. Девочек испытывают на первое заклинание: изменение цвета. Я улыбаюсь и слегка морщусь, вспоминая, сколько раз сама проходила через это испытание. И мне кажется, будто я кручу в руках воображаемый кубик, повторяя движения за девочкой, что сидит ближе ко мне.

Первое: увидеть предмет как он есть. Второе: нарисовать мысленный образ. Третье: подчинить его своей воле.

Зеленые прожилки проступают сквозь ее пальцы в том месте, где они касаются кубика, и испещряют красную поверхность. Взгляд у девочки сосредоточенный, видно, как она борется с болью, и я знаю, что если она сможет продержаться еще несколько секунд, тест будет пройден. Но боль одолевает ее, и девочка вскрикивает, роняет кубик, признавая победу красного над зеленым, и отхаркивает в ведро розовую слюну. Из носа вытекает тонкая струйка крови, и девочка вытирает ее носовым платком.

Я вздыхаю. Первое Заклинание самое простое из трех, но девочке удалось поменять цвет всего на двух кубиках. Впереди у нее долгий и трудный день.

— Вайолет! — Рейвен зовет меня, и я спешу к ней.

В столовой немногочисленно — большинство девочек уже в классах. Когда заходим мы с Рейвен, все замолкает, отставляют ложки и чашки, встают, и каждая девочка, скрестив два пальца правой руки, прижимает их к сердцу. Это традиция Дня Расплаты, дань уважения суррогатам, уходящим на Аукцион. Каждый год я участвовала в этой церемонии, но сейчас испытываю странное чувство, потому что чествуют меня. Ком встает в горле, и глаза щиплет от подступающих слез. Рейвен стоит рядом, и я чувствую ее напряжение. Многие из тех, кто приветствует нас, завтра тоже идут на Аукцион.

Мы садимся за наш столик в углу, у окна. Я закусываю губу, с грустью осознавая, что очень скоро этот столик уже не будет «наш». Это мой последний завтрак в Южных Воротах. Завтра в это время я буду в поезде.

Как только мы устраиваемся за столом, девочки садятся, и возобновляются разговоры, только уже шепотом.

— Я понимаю, это дань уважения, — бормочет Рейвен. — Но мне не нравится быть по другую сторону.

Молодая воспитательница по имени Мёрси спешит к нам с серебряным кофейником.

— Удачи вам завтра, — робко произносит она. Я с трудом выдавливаю из себя улыбку. Рейвен молчит. Мёрси слегка краснеет. — Что предложить вам на завтрак?

— Глазунью из двух яиц, картофельные оладьи, тост с маслом и клубничным джемом, бекон, хорошо прожаренный, но не горелый, — тараторит Рейвен, словно нарочно запутывая Мёрси. Она любит ставить людей в неловкое положение, особенно когда нервничает.

Мёрси, улыбаясь, качает головой.

— А тебе, Вайолет?

— Фруктовый салат, — отвечаю я. Мёрси удаляется в сторону кухни. — Неужели ты все это съешь? — спрашиваю я Рейвен. — У меня за ночь желудок будто съежился.

— Любишь ты дергаться, — говорит она, высыпая в свою чашку с кофе две полные ложки сахара. — Так недолго и язву заработать.

Я делаю глоток кофе и наблюдаю за девочками в столовой. Особенно меня интересуют те, что идут на Аукцион. Одни заметно нервничают и, наверное, так же, как и я, мечтают нырнуть в постель и спрятаться под одеялом; другие возбужденно болтают. Я никогда не понимала таких девочек — тех, кто безоговорочно верит рассказам

смотрительниц о том, какие мы особенные, какую благородную миссию выполняем, почитая давнюю традицию. Однажды я спросила Пейшенс, почему мы не можем вернуться домой после родов, и она ответила: «Вы слишком большая ценность для королевской семьи. Они хотят заботиться о вас до конца жизни. Разве это не замечательно? У них такие добрые и великодушные сердца».

Я сказала, что предпочла бы свою семью королевскому великодушию. Мои слова ей не очень понравились.

Молоденькая, похожая на мышку девушка за соседним столиком вскрикивает от боли и неожиданности, потому что вода в ее стакане превращается в лед. Она роняет стакан, и он разбивается вдребезги об пол. У нее начинается носовое кровотечение, и она хватается салфетку и выбегает из столовой, а смотрительница спешит к столику с совком для мусора.

— Я рада, что этого больше не случается, — говорит Рейвен. В начале обучения заклинаниям приступы трудно контролировать, и боль бывает сильнее, чем можно себе представить. Когда я впервые закашлялась кровью, мне казалось, что я умираю. Но уже через год все проходит. Теперь у меня лишь изредка идет носом кровь.

— Помнишь, как я целую корзину клубники сделала синей? — спрашивает Рейвен почти со смехом.

Воспоминания не слишком приятные. Поначалу это было забавно, но она никак не могла остановиться — все, к чему она притрагивалась, становилось голубым, и так целый день. Рейвен серьез-

но заболела, и докторам пришлось отправить ее в изолятор.

Я смотрю, как Рейвен невозмутимо разбавляет кофе молоком, и думаю о том, как буду жить без нее.

— Тебе уже дали номер лота? — спрашиваю я.

Ее рука чуть дрожит, и ложка звякает о края чашки.

— Да.

Глупый вопрос — нам всем раздали номера еще вчера вечером. Но я хочу знать, какой номер у нее. От этого зависит, как долго мы будем вместе.

— И..?

— Лот 192. А у тебя?

Я выдыхаю.

— 197.

Рейвен усмехается.

— Похоже, на нас с тобой особый спрос.

На каждом Аукционе свое количество суррогатов, и все они ранжированы. Последняя десятка считается товаром высшего качества, и к ней приковано все внимание. В этом году через аукцион проходит рекордное число суррогатов за всю историю торгов — две сотни.

Меня не слишком-то волнует моя категория. Я бы предпочла оказаться в приятной семье, не обязательно богатой. Но это означает, что мы с Рейвен будем вместе до конца.

В столовой опять становится тихо, когда входят три девушки. Мы с Рейвен встаем и вместе с остальными приветствуем участниц завтрашнего Аукциона. Две девушки идут за столик под люстрой, а тре-

тя — миниатюрная блондинка с большими голубыми глазами — подскакивает к нам.

— Привет, девчонки, — восклицает Лили, плюхаясь в мягкое кресло. У нее в руках журнал светских сплетен. — Ну, как вы, рады? Я так взволнована! Завтра мы увидим Жемчужину. Можете себе представить?

Мне нравится Лили, несмотря на ее бьющий через край энтузиазм, природу которого я никак не могу понять. Она родом не из самой благополучной семьи, даже по меркам нашего Болота. Отец избивал ее, мать была алкоголичкой. То, что ее признали суррогатом, для нее действительно было спасением.

— Определенно, это будет не то, к чему мы привыкли, — сухо отвечает Рейвен.

— Я знаю! — Лили даже не улавливает сарказма.

— Ты сегодня собираешься домой? — спрашиваю я. Не могу представить, что Лили горит желанием встретиться с родителями.

— Пейшенс говорит, что это необязательно, но мне бы хотелось повидаться с мамой, — отвечает Лили. — И еще она сказала, что мне могут выделить эскорт из ратников, чтобы отец не побил. — Она широко улыбается, а я испытываю острое чувство жалости.

— Тебе уже присвоили номер лота? — спрашиваю я.

— А, да. 53, согласишься? Из двухсот! Наверное, для меня все закончится семьей какого-нибудь торговца из Банка. — Королевская семья разрешает избранным жителям Банка посещать Аукцион, но торговаться они могут только по суррогатам